

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 1811-7465 (Print)
ISSN 2071-0437 (Online)

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академ. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академ. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зимина О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония);
Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция); Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия); Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор); Свидетельство ПИ № ФС 77-71737 от 08.12.2017

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>, свободный.

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

**№ 2 (53)
2021**

ISSN 1811-7465 (Print)
ISSN 2071-0437 (Online)

Journal is founded in 1997
There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, University of a name Adam Mickiewicz in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

ГУЛАГОВСКИЙ ОПЫТ В КУЛЬТУРНЫХ НАРРАТИВАХ И КОЛЛЕКТИВНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛИТВЫ

На основе обобщения и анализа эго-документов, литературных произведений, визуальных репрезентаций рассмотрены тенденции переосмысления опыта ГУЛАГа в постсоветской Литве. Особое внимание уделяется освещению специфики женского и отчасти детского опыта ссылки. Определены способы восприятия, переживания и воспроизведения коллективной травмы в этноисторическом контексте; выявлена роль постпамяти в формировании и поддержке национальной идентичности литовцев.

Ключевые слова: Литва, Сибирь, ГУЛАГ, депортация, национальная идентичность, коллективная травма, постпамять.

Существуют разные формы сопротивления: выжить, когда должен умереть, помнить, когда обязан забыть, думать, когда вынужден не думать, замечать, когда лучше не замечать, пытаться узнать, когда велено ничего не знать.

Даля Гринкевичюте [Grinkevičiūtė, 1997, p. 273]

Введение

В октябре 1939 г. Л. Берией был подписан приказ № 001223, обосновавший принципы преследования жителей Литвы, Латвии, Эстонии, Западной Украины, Западной Беларуси и Молдавии. В Литве массовые аресты начались 10 июля 1940 г. В первой волне репрессий пострадало около 7000 жителей Литовской Республики, среди них политики, чиновники, общественные и культурные деятели. В июне 1941 г. в Сибирь и Казахстан были депортированы представители интеллигенции и зажиточного крестьянства. Репрессии возобновились в 1946 г. Таким способом пытались пресечь спонтанное формирование вооруженного антисоветского сопротивления, наблюдавшееся по всей республике. Решив сломить его, а также нежелание крестьян (основной экономической опоры подполья) вступать в колхозы, карательные органы за период 1946–1952 г. сослали в Казахстан, Сибирь и на Дальний Восток не менее 132 тыс. жителей Литвы [Зубкова, 2008; Бердинских, 2005, с. 515–541]. Большинство репрессированных мужчин сразу отделялись от семей и отправлялись в лагеря. Женщины и дети составляли около 70 % от всех литовских спецпереселенцев. С 1949 г. дети ссыльных до 16 лет стали вноситься в общие списки депортированных. После окончания срока ссылки ссыльнопоселенцам создавались разного рода препятствия для возвращения на родину. Вернувшимся же отказывали в регистрации, без которой они не могли найти постоянное место жительства, учиться и официально работать. Также всячески ущемлялись их гражданские права. Поэтому, несмотря на то что в 1963 г. были освобождены последние литовские ссыльные, около 50 тыс. чел. еще долгое время не могли вернуться на родину или не вернулись совсем (некоторая их часть поселилась в Калининградской области и Латвии) [Земсков, 2003; Кустова, 2014].

Даже в период «оттепели» тема сталинских репрессий и антисоветского сопротивления в Литовской ССР оставалась под жестким контролем: либо умалчивалась, либо идеологически обрабатывалась. Лишь во время перестройки в прессе появились первые публикации фрагментов воспоминаний депортированных, за которыми последовал массив разнообразных свидетельств — документальных, литературных и визуальных текстов, в которых авторы пытались запечатлеть пережитое и переосмыслить сталинские депортации в новом социокультурном контексте. Исследователи (пост)социализма уделяют внимание свидетельствам ГУЛАГа, ставя вопрос, каким образом они повлияли на трансформацию советского общества после демонтажа системы принудительного труда и особенно после распада СССР [Копосов, 2011; Эткинд, 2018; Эппле, 2020]¹. Литовским сви-

¹ Одним из первых среди российских исследователей обратился к этой теме В.А. Тишков, поставивший вопрос о формировании национальной идентичности в том числе на отстройке коллективной травмы, заложенной темами депортации и репрессий [2001].

детельствам часто свойственно переплетение сюжетов сопротивления и репрессий, поскольку взятые в плен партизаны и их помощники попадали в ГУЛАГ, и после отбытия срока им иногда позволялось воссоединиться с семьями, находящимися в ссылке. Или наоборот — некоторые ссыльные по разным доносам отправлялись на принудительное «перевоспитание» [Клумбите, 2017]. Недавно начали обращаться к интересному аспекту такого «переплетения» — случаям лагерных восстаний, в которых литовские «лесные братья» принимали активное участие или занимали лидирующие позиции [Saudargas, Karazijaitė, 2018].

Свидетельства глубоко травматичного индивидуального и коллективного опыта все больше начали привлекать исследователей разных социогуманитарных дисциплин. Очевидно, исследования такого рода специфических источников требуют особых компетенций — не только этноисторических, но и психологических, социологических, культурологических, литературоведческих и пр. Различные аспекты темы депортаций и репрессий рассматривают в современной Литве историки А. Анушаускас, Д. Лейнарте [Leinartė, 2012], Т. Балкелис и В. Даволюте [Maps of Memory..., 2012; Population displacement..., 2016], много лет изучению коллективной памяти посвятила социолог И. Шутиниене [Šutinienė, 2002; Krukauskienė et al., 2003; Šutinienė, 2013]; профессор психологии Д. Гайлиене, вместе со своей командой из Вильнюсского университета анализирует коллективные последствия посттравматического синдрома [Kazlauskas, Gailienė, 2003; Gailienė, 2008]; изучением исторической памяти о ГУЛАГе занимаются культурологи В. Рубавичюс [Rubavičius, 2007, 2018], Г. Мажейкис [Mažeikis, 2016], литературоведы А. Миколайтите [Mikolaitytė, 2016a, 2016b], Е. Балютите [Baliutytė, 2008] и др. Но в их трудах зачастую отсутствует компаративистский подход, позволяющий подробно проанализировать последствия коллективной травмы литовцев в сравнении с опытом других народов бывшего СССР, выявить общность и специфику восприятия в контексте меняющейся политики памяти.

В. Рубавичюс делает важное замечание, что волна гулаговской литературы и кинодокументалистики в Литве достигла пика примерно в 1995 г. и потом стала понемногу спадать [Rubavičius, 2018, p. 54]. Философ Г. Мажейкис различает гулаговские и постгулаговские тексты и отмечает, что если первые, изображая условия лагеря и ссылки, жестокость, десятилетия репрессий и т.д., повторяют схемы ГУЛАГа, таким образом своеобразно его реабилитируют, то вторым уже свойственна сосредоточенность на последствиях долгосрочного коллективного травмирования [Mažeikis, 2018, p. 250]. В качестве примеров визуальных гулаговских текстов он называет фильм Г. Беглова «Ад, или Досье на самого себя» (1989 г.), сериал В. Фатьянова «Последний бой майора Пугачева» (2005 г.), снятый по мотивам произведений В. Шаламова, а постгулаговского — «Покаяние» Т. Абуладзе (1984 г.) и «Левиафан» А. Звягинцева (2014 г.).

Существуют ли тексты, отражающие это качественное различие в других постсоветских странах, в том числе Литве, и каково их взаимоотношение? Уже во время перестройки Прибалтийские республики почувствовали потребность переконструировать свои национальные нарративы. После отказа от версии о «добровольном вступлении» в состав СССР открылся целый пласт до того вытесненной и умалчиваемой памяти о сталинских репрессиях и о «войне после войны», продолжившейся в Литве до 1953 г., что в начале 1990-х сыграло решающую роль в делегитимации советского режима.

Данная статья посвящена анализу того, каким образом тема «вывезенных»² появляется в публичном пространстве перестроечной и постсоветской Литвы, становясь тем самым частью процесса конструирования нового национального идеологического дискурса и немаловажным фактором формирования и поддержки коллективной идентичности. Также меня интересует, как со временем меняются формы, смыслы и сообщения этих репрезентаций ГУЛАГа, особенно в процессе смены поколений, когда на место прямых очевидцев событий приходят авторы и творцы, не имеющие личного опыта репрессий, а лишь знающие о нем через историю семьи или родственников. Тут неизбежно возникает вопрос и о возможностях (и пределах) сохранения первичных смыслов, которыми люди, пережившие репрессии, наделяли свои свидетельства, и о качестве обработки и «перевода» этих специфических источников на язык, понятный современному обществу, с учетом и жанровых особенностей (письменный и визуальный тексты). Возможно ли при адаптации/воспроизведении воспоминаний обойти когнитивные ловушки упрощения, искажения, идеологической ангажированности, чрезмерного эмоционального давления на читателя/зрителя или, наоборот, политкорректной (само)цензуры? Последняя, кстати, может

² Эвфемизм советского времени, который до сих пор иногда используется для определения депортированных.

быть даже двойной, свойственной как самим авторам свидетельств, так и их «переводчикам» на современный язык, приспособленный к логике потребления массовой художественной продукции. В данном исследовании я попытаюсь более подробно остановиться на нескольких, на мой взгляд, самых ярких и знаковых произведениях о ссылке, наиболее четко отражающих сдвиг в восприятии советских репрессий, как и в оценке самого советского периода, но оставляя в стороне другие, не менее значительные по степени осмысления советского периода, тексты, которые к теме депортаций приступают лишь фрагментарно. Я буду их анализировать и через призму того, каким образом меняются режимы памяти/забвения, т.е. что подчеркивается, а о чем умалчивается или сознательно удаляется из виду.

Гулаговские тексты как историческое свидетельство

Только в конце 1980-х гг. обществу стали доступны свидетельства бывших репрессированных, опубликованные или записанные на аудио или видео, в виде исторических исследований, неподцензурной беллетристики, интеллектуальной публицистики и т.д. [Baliutytė, 2008]. Например, одним из первых текстов, поднявших тему террора советской системы против мирного населения и получивших большую общественную огласку, стала статья известного писателя Р. Гудайтиса «Мы из края расстрелянных песен», опубликованная в 1988 г. в журнале «Literatūra ir menas». Только за 1991–1992 гг. появилось более 50 разнообразных изданий на тему депортаций и антисоветского сопротивления.

За прошедшие 30 лет такая литература объединила жанровое многообразие: это воспоминания и мемуары, дневники и письма, любительская и профессиональная поэзия и проза, и пр. [Pokorska-Iwaniuk, 2015]. В 1990-е гг. вокруг мемуаристики бывших политзаключенных и ссыльных наблюдался ажиотаж. Авторы спешили рассказать о своем прошлом, которым до того опасались делиться даже с близкими. Сюжет описываемых событий был прост и похож (менялись лишь имена, места и даты), и со временем к таким текстам начали терять интерес. Позднее подобные воспоминания уже издавались на средства авторов небольшими тиражами. Писательница Е. Гудоните горько пошутила, что опубликованные мемуары нынче имеются чуть ли в каждой семье литовских спецпереселенцев (из интервью Е. Гудоните от 29.01.21).

Общественный интерес стал основой и для многих новых гражданских и художественных инициатив, связанных с попытками увековечения памяти жертв сталинизма. «Работа памяти и горя» началась со спонтанных экспедиций бывших заключенных и ссыльных или их родственников в места лагерей и ссылки, с целью обнаружения и перезахоронения в Литве останков своих близких (об этом были созданы многочисленные документальные фильмы и передачи). За ними последовала общественная молодежная акция «Миссия Сибирь», посвященная посещению этих мест и приведению в порядок кладбищ литовских политзаключенных и ссыльных [Прокопьева, 2018].

Но со временем документальное кино, первоначально охотно бравшееся за визуальные повествования о ГУЛАГе, пережило похожую с мемуаристикой тенденцию подъема и спада интереса. В основном такие фильмы и не предполагали создания нового исторического знания или смысла, а лишь хотели в очередной раз напомнить зрителю об уже известном [Šermukšnytė, 2004, p. 123–124].

Спустя тридцать лет после распада СССР исследователи выделяют несколько видов гулаговской литературы.

1. Написанные в советское время и тщательно скрывавшиеся рукописи, которые были опубликованы в перестройку или сразу после обретения независимости. Яркий пример — книга Д. Гринкевичюте «Литовцы у моря Лаптевых», несколько частей которой были напечатаны еще в 1988 г. в журнале «Pergalė». Воспоминания были переведены на другие языки и получили широкую известность. Таких текстов немного, они выделяются исключительной внушительностью документальности и отражают непосредственные и живые реакции людей на постигшую их экзистенциальную катастрофу.

2. Тексты, созданные в литовской диаспоре, в основном в США, на основе опыта пережитого в период 1940–1941 гг. или немногочисленных прямых свидетельств тех, кому после «визита в Сибирь» удалось вырваться на Запад. По мнению литературоведа Б. Райлы, этим текстам не хватает убедительности, оригинальной и свежей интерпретации описываемых событий. Им часто «свойственны сентиментализм, морализаторство, стоны и мольба» [Raila, 1974, p. 93]. В этой группе по литературным качествам выделяется книга Б. Армониене «Оставь слезы в Москве» [Armonienė, 2011], оставшаяся малозамеченной из-за перенасыщенности подобными произведениями.

3. Воспоминания жертв репрессий, записанные в независимой Литве. Сложился большой массив текстов, в том числе коллективные сборники мемуаров: «Путь ссылки» (2006), «Реки ссылки» (2008), «Живая память» (2010), «Дети Сибири. Воспоминания литовских ссыльных детей» (2011), «Дети ссылки» (2012) и пр. Их можно оценивать как своеобразную самотерапию, поз-воляющую вывести на поверхность сознания самое болезненное и травмирующее, отпечатавшееся в памяти. Такие мемуары часто издаются на собственные средства и адресуются собственной семье, родне и друзьям.

4. Тексты «второго поколения», создаваемые современными авторами на основе переработки переживаний предыдущего поколения — родителей или близких родственников. В них отсутствует то, за что подобную литературу критиковал Б. Райла. Обычно это попытки создать впечатляющую и увлекательную историю вместо очередных описаний потерь, боли и невзгод. Очевидно, что подобных текстов со временем будет становиться все больше.

Последнюю группу литературных (или созданных на их основе кинематографических) произведений можно причислить к нарративам *постпамяти* (*post-memory*) [Mykoloitytė, 2016a]. Хотя в большинстве случаев литовским гулаговским текстам свойственна ярко выраженная виктимизация («что они нам сделали»³), этноцентризм и недостаточный уровень саморефлексии, но встречается и холодная документальность, например, присущая книге известного межвоенного журналиста В. Густайниса «Без вины» [Gustainis, 1989]. Также по степени осмысления личного и группового опыта депортаций существуют более сложные и ценные тексты. Среди них по своим литературным и документальным качествам выделяются уже упомянутые воспоминания Д. Гринкевичюте (1927–1987), которая в 1941 г. в четырнадцатилетнем возрасте была депортирована сначала на Алтай, а потом на север Якутии. Она написала два текста воспоминаний — в 1949–1950 г. на русском языке и в 1976 г. на литовском, которые стали широко известны в переводах [Grinkevičiūtė, 2003]. В этих воспоминаниях не только звучит свидетельство *голой жизни* невинных людей, оказавшихся в невыносимых условиях на льду моря Лаптевых, но и прослеживается четкая стратегия выживания, выбранная автором. В ее текстах заметна интонация собственной позиции, самоопределения, выбора, чем она отличается от остальной литературы такого рода, которую в основном можно назвать литературой травмы. Гринкевичюте не считала себя жертвой режима в психоаналитическом смысле слова и не действовала соответственно, не согласившись принять навязанный ей советской властью жизненный сценарий и таким образом выступив как самостоятельный, автономный и свободнодействующий субъект. Даже после освобождения, работая врачом, она держалась своих моральных принципов, из-за чего часто конфликтовала с местной властью и преследовалась органами госбезопасности. В этом случае мы видим трансформацию бывшего политзаключенного в диссидента, завязавшего тесные контакты с российскими инакомыслящими. Не надеясь на публикацию воспоминаний, она обосновала смысл записи пережитого и увиденного тем, что нельзя позволить стереть из памяти случившееся с ее семьей и другими людьми, иначе это стало бы моральным проигрышем [Baliutytė, 2008, p. 20]. В отличие от большинства мемуаров литовских депортированных, заикленных на травме собственной семьи, общины, народа, Гринкевичюте немало места уделяет и другим народам, в ее текстах часто упоминаются братья по горю — финны, латыши, украинцы, русские. Наряду с сохранением памяти о жертвах для нее важны вопросы метафизического характера: где грани человечности? каким образом они испытываются? что происходит с человеком в экстремальных условиях? Ее ответ: «...понимаю, что теперь все, что было искусственно, что было лишь пустой вежливостью и мещанской порядочностью, все спало с нас как чужие лахмотья. В смертельной борьбе за жизнь, лицом к смерти каждый предстал таким, каким является на самом деле» [Grinkevičiūtė, 1997, p. 118].

Стратегия отказа от роли жертвы ярко выражена и в сохранившихся немногочисленных свидетельствах о жизни узницы ГУЛАГа Аделе Дирсите (1909–1955). Находясь в лагерях, она, будучи учительницей и католической активисткой, тайно записывала молитвы на кусочках бересты, обрывках мешков из-под цемента и других подручных средствах. По ним видно, что Дирсите находила смысл в происходящем с ней и с другими в вере и в медитации таинств мук и жертвоприношения Христа. В 1953 г. молитвы были собраны в небольшую книжечку, переправленную в США и изданную там. Рукописный молитвенник гулаговских узников, получивший название «Мария, спасай нас», позднее был переведен на многие языки. Этот пример сибирского религиозного самиздата в своей монографии упоминает Е. Савенко, приводя отрывок перевода молитвы

³ Так звучит и название одной из книг Д. Гайлиене.

«Мария, спаси нас» на русский язык [2017, с. 117–118]. Также сохранились некоторые эго-документы Дирсите — письма, отправленные родственникам и друзьям в Литву, которые позднее были собраны и изданы по частной инициативе, к сожалению, без подходящего научного комментария [Dirsyté, 2000]. В них более подробно раскрывается ее стратегия выживания — сосредоточение на позитивном и оптимистическом, поиск и обучение других находить следы Бога в удивительной сибирской природе, в лицах подруг, в мельчайших знаках любви, которые она с благодарностью принимает в виде посылок или весточек из дома. Трансцендентальное в этих письмах скорее предполагается, нежели прослеживается, но они вплетаются в долгую и богатую традицию католического мистицизма, посвященного поиску аутентичного поведения христианина перед лицом испытаний, горя и страдания. Несмотря на трудные условия в ГУЛАГе Дирсите пыталась помочь сохранить храбрость, надежду и веру в Бога, учила черпать духовную силу в молитве других женщин и девушек, среди которых было несколько ее учениц. За ее духовное влияние на заключенных она неоднократно подвергалась суровым наказаниям, истязаниям и побоям. Обстоятельства ее смерти и место захоронения неизвестны, существует отрывочная информация, что она погибла в лагере в Хабаровском крае в 1955 г., за несколько месяцев до возможного освобождения [Pipiras, Končius, 2016]. Католической церковью в 2000 г. А. Дирсите была объявлена Божьей слугой, уже заведено дело ее беатификации.

Как и молитвы Дирсите, «Псалмы» Антанаса Мишкиниса — цикл из 40 стихотворений поэта, публициста и писателя-неоромантика были написаны в лагерях в 1949–1953 гг. Цикл тоже посвящен мучительному поиску Бога. В отличие от Дирсите, поэта, оказавшегося перед лицом всепоглощающего ужаса и людских мук, интересовала сама сущность зла. Корень ГУЛАГа для Мишкиниса прежде всего кроется в последствиях создания атеистического общества (стихотворение «Мир без Бога»), а образ и сущность зла (Дьявол) в его стихах отождествлен с фольклорным девятиголовым драконом или с библейским змеем, что удивительно напоминает образы подлости, используемые философом-неотомистом А. Мацейном, в философском трактате-трилогии «*Cor Inquietum*» («Великий инквизитор» (1946 г.), «Драма Иова» (1950 г.), «Тайна подлости» (1964 г.)) [Maceina, 1990]. Экзистенциальная потребность в поиске смысла бытия в окружении безысходности, мерзости, абсурда и смерти вдохновила Мишкиниса на создание лирики высокого литературного уровня, с образами христианского, национального и народного мировоззрения, мотивами любви к Литве, к малой родине, к матери. «Псалмы», также записанные на мешковине, запомнились и исполнялись узниками как молитвы и религиозные песни. В Литве они распространялись при помощи самиздата и впервые были опубликованы в 1991 г.

К наиболее экзистенциально и художественно ценным литовским гулаговским текстам можно отнести и роман в новеллах Владаса Калвайтиса (1929–2018) «Барак усиленного режима» [Kalvaitis, 2011]. Писатель-самоучка признался в интервью, что не дописал свои воспоминания о лагере, куда попал в 22 года, из-за скуки. Поэтому он выбрал жанр коротких новелл, который «позволяет обрести обезболивающую дистанцию, освобождает место для взгляда реалиста и сатирика» [Speičytė, 2013]. Роман по своим литературным качествам может быть сравним не только с книгой Д. Гринкевичюте, но и с более ранним свидетельством похожего опыта нацистского концлагеря — романом Б. Сруоги «Лес Богов» (лит. *Dievų miškas*), которому тоже свойствен черный юмор. Но, в отличие от Сруоги, Калвайтис, к сожалению, до сих пор незаслуженно малоизвестен за пределами интеллектуального круга.

«Уже не рана, а рубец»: переосмысление гулаговских текстов в произведениях «второго» поколения

В отличие от «первого» поколения авторов гулаговских текстов, цель которых — засвидетельствовать и увековечить пережитое, а также задокументировать ужасы ГУЛАГа, представители «второго» ставят перед собой совсем иные задачи. Прежде всего это глубоко личный поиск ответа на вопрос, какое значение в их собственной судьбе и идентичности имел травмирующий опыт родителей или близких и каким образом у них появились разработанные стратегии, тактики и навыки выживания в ГУЛАГе. Например, представительница «второго поколения» Егле Гудоните, описывающая в романе «Поколение от Сибири» (2013 г.) жизнь бабушки и матери в Алтайском крае, свой интерес к этой теме объясняет тем, что это позволило ей дополнить собственное тождество, «как будто бы у тебя до того было лишь имя, и ты теперь приобретаешь и фамилию» (из интервью Е. Гудоните от 29.01.21).

Тем временем писательница, имеющая литовско-американские корни, Рута Шепетис призналась, что, родившись и живя в США, не зная при этом языка, только будучи взрослой заду-

малась о том, что значит иметь литовское имя и фамилию и считать себя литовкой. Написание романа о сталинских депортациях «Меж серых небес» (англ. *Between Shades of Grey*, лит. *Tarp pilkų debesų*, 2011 г.) повлияла ее поездка в Каунас, где выяснилось, что большая часть семейных фотографий была уничтожена из-за «неправильного» происхождения предков, так как хранить их дома было чересчур опасно. Она была шокирована фактом незнания своих корней и тем, что люди за границей тоже ничего не знают о сталинских репрессиях в Литве — их жертвы по сей день остаются безликими и безголосыми. Поэтому она и решила написать книгу: «таким образом я могла хоть как-то утвердить свою литовскую идентичность и уже не чувствовать себя самозванкой» [Liandzbergienė, 2011]. Роман был переведен на более чем 30 языков и получил разные литературные премии. Популярность книги определила увлекательно и внушительно рассказанная история литовской ссылки первой, довоенной, волны. Роман раскрывает историю девушки Лины, семью которой депортировали в Сибирь. Она показана глазами этого еще почти ребенка, таким образом избегается ловушка идеологически окрашенных оценок и вышеупомянутой «жалобности»: девушка сталкивается с несправедливостью и жестокостью, но еще не умеет их толком объяснить [Mykolaitytė, 2016a, p. 191]. Читателей книги Шепетис привлекает экстремальная ситуация, экзотичная Сибирь и Север, увиденные глазами подростка.

Роман Шепетис был сконструирован на основе нескольких текстов и устных рассказов ссыльных 1941 г. У Д. Гринкевичюте она взяла географию, структуру семьи, возраст рассказчицы, а также схожую позицию по отношению к травмирующему опыту. Хотя в литовских СМИ можно найти и информацию, что прототипом главной героини книги стала другая женщина — Ирена Саулуте Валайтите-Шпакаускиене, которая несмотря на преклонный возраст до сих пор проводит экскурсии в Музее народного быта под открытым небом в Румшишкес, рядом с воссозданной юртой ссыльных у моря Лаптевых [Stažytė, 2019], и которая сама недавно издала воспоминания [Valaitytė-Špaukauskienė, 2020]. Но, несмотря на тщательную подготовительную работу писательницы, в ее романе остались существенные смысловые искажения и алогизмы. Отдавая дань автору за несомненные заслуги в популяризации темы за пределами Литвы, надо заметить, что книге свойственна слащавость, простодушные и даже наивные суждения, указывающие на непонимание более сложных причин и исторического контекста, что приводит к неадекватному представлению особенностей тоталитарного режима и общества. Часть этих недостатков позднее была перенесена или добавлена в сценарий фильма, созданного на основе романа американским режиссером литовского происхождения М. Маркевичюсом «Пепел на снегу» (*Ashes in the snow*, 2018 г.). Критики фильма не обошли стороной примитивность сценария и драматургии, к сожалению, вульгаризирующие или иногда искажающие суть и смысл сталинских преступлений. Один из рецензентов обратил внимание на то, что в фильме заметна попытка «нормализовать травмирующую реальность, втискивая ее в своеобразные трафареты изображаемого, таким образом превращая действительность в менее болезненную, даже совсем приемлемую для просмотра» [Genevičius, 2018].

«Пепел на снегу» отнюдь не был в авангарде фильмов о ссылке литовцев, но первым обратил на эту тему внимание мирового сообщества. В 2013 г. на экраны вышел фильм «Экскурсантка» (*Ekskursantė*, режиссер А. Юзенас), рассказывающий историю одиннадцатилетней девочки, которая по пути в Сибирь сумела сбежать и, не без помощи добрых людей избежав многих трудностей и пройдя тысячи километров, вернуться домой. В этом фильме снимались как литовские, так и российские актеры, он получил премию на российском кинофестивале «Ника». Рассказанная история поставила трагедию сталинского террора выше обычной национальной горечи и обиды и стала общечеловеческой притчей о добре и зле, о силе человечности. Хотя режиссер Юзенас в интервью упомянул, что в основу фильма тоже легла реальная история, но, по решению сценариста, имя прототипа осталось неизвестным [Noreikienė, 2013]. Фильм можно воспринять как иной, более свободный взгляд на болезненное прошлое, даже как тест на зрелость литовского общества, ведь в нем представлена неоднозначная история, а портреты соотрудников советских репрессивных структур не только негативны.

Произведения «второго» поколения также свойственна попытка вырваться за рамки застывшего канона гулаговской литературы в поисках новых подходов, ракурсов и способов выражения. Этим они вписываются в уже формирующуюся традицию литературы постпамяти, к которой, к примеру, можно отнести графический роман о переосмыслении Холокоста «Маус» Арта Шпигельмана (1991 г.) или рефлексии о послевоенной немецкой идентичности — «Малая родина: немка осмысливает историю и род» Норы Круг (2018 г.). Постпамять включает отношение

второго и последующих поколений к мощному, часто травмирующему опыту, который случился с другими людьми намного раньше их рождения, но несмотря на это им был передан настолько непосредственно и глубоко, как если бы это были их собственные воспоминания [Hirsch, 2008, p. 103; Хирш, 2016]. Автор данного понятия М. Хирш указывает на то, что этот концепт подходит для изучения любых культурных травм, формирующих коллективную идентичность. Появление постпамяти стало возможно потому, что «память может быть передана тем, кто не пережил самого события» [Hirsch, 2008, p. 106]. Тем самым эта вторичная, приобретенная память уже является иной, нежели память прямых свидетелей и участников драматических событий. Она более свободна от сознательных или подсознательных умолчаний, присущих текстам очевидцев террора, написанным жертвами, которым было трудно или невыносимо больно говорить о своих ранах и переживаниях, что особенно свойственно женским воспоминаниям. По мнению Э. фон Альфена: «Нужно уточнить, что постпамять — это не вид памяти. Младшие поколения создают ее с помощью воображения, позволяющего им реконструировать воспоминания, которых у них нет. Или реконструировать прошлое, о котором они ничего не знают» [2015].

Примеры литовских текстов постпамяти как раз хорошо иллюстрируют эту мысль. Реконструировать прошлое не так-то просто. Родители или близкие часто предпочитают о перенесенных репрессиях молчать из-за незажившей травмы либо боятся о них рассказывать, поскольку это политически опасно, как это было до распада СССР, или потому, что «другие просто не поймут». Так что приходится искать иные способы преодоления когнитивного разрыва — читать и сравнивать уже опубликованные мемуары других ссыльных, дискуссиями о них провоцируя близких вернуться к собственному опыту, открыться и сравнить его с опытом других. То есть стать своего рода любителем-детективом/психотерапевтом. Но экзистенциальная брешь, вероятность не(до)понимания и искажения первичных смыслов остается.

Среди произведений «постпамяти», отличающихся поиском нового языка выражения, особо стоит отметить книгу комиксов «Сибирский хайку» (автор текста Юрга Виле, художник Лина Итагаки), победившую на конкурсе лучшей детской книги в 2018 г. Источником этого необычного произведения стала история тринадцатилетнего мальчишки Альгиса, прототипом которого является папа одной из авторов книги. Книга была создана двумя молодыми женщинами, объединившими разные средства — рисунки, письма, поэтические вставки и пр., чтобы рассказать историю от первого лица, показать ее глазами ребенка, не перегружив историческими деталями, и не драматизировать, даже, наоборот, привнести немалую долю юмора и немного мистики.

Более сложную картину памяти ссылки и отношения к травме рисует документальный роман Е. Гудоните «Поколение от Сибири». Это не только тщательная реконструкция пережитого депортированными, но и попытка нащупать глубинные трансгенеративные связи. Повествование строится на пересечении образов представительниц трех поколений — бабушки, матери и самого автора текста. Их голоса иногда переплетаются, мешая читателю отделить их друг от друга. В отличие от литературы, ориентированной на возрождение прошлых событий, повествование Гудоните двухвекторное — в нем отражены как годы ссылки на Алтае (трудное детство матери автора Асты, или Асточки-Ласточки, как ее тогда называли, описаны от первого лица), так и настоящее (размышления автора о памяти, родине, идентичности, судьбе). «Слегка запуталась в маршруте своей поездки — то ли я еду в Сибирь через себя, то ли в себя — через Сибирь? Знаю лишь, что последней остановкой все равно будет Литва» [Gudonytė, 2013, p. 6–7]. Автор обращается к читателю с вопросом: сколько в тебе Сибири, таким образом провоцируя его задуматься о своей принадлежности к нации как «сообществу памяти», даже если он или она и не имеет семейного опыта репрессий. И сама отвечает на индивидуальном, а не на коллективном уровне. Книгу сложно отнести к конкретному жанру, ей присуще фрагментарное, «осколочное» повествование, с чередующимися разными стилевыми и языковыми приемами: это и проза, и стихи, и фотографии, и даже рецепты, записанные еще в межвоенное время рукой бабушки, что резко контрастирует с описанием голодания в Сибири. Автор мастерски играет и возможностями языка: тут и атмосферное региональное наречие, помогающие раскрыть особенности детской психологии, и современный молодежный жаргон, и юмор, и (само)ирония. Но, несмотря на свежий взгляд и желание найти новые формы выражения, эту книгу можно обоснованно отнести и к продолжению традиции литовского неоромантизма, с ее вниманием к природе, к бытовым деталям, что особо свойственно женской прозе. Этим текст Гудоните объединяет мемуарику представителей «первого» поколения и (пост)гулаговские тексты «второго».

Заключение

Как правило, основной массе опубликованных литовских гулаговских свидетельств свойственна серьезность, простота изложения, дескриптивность и скрупулезное перечисление пережитых страданий и обид, лиризм, характерный для народного творчества и неоромантической литературы, иногда пронизанный религиозным мировоззрением, даже долоризмом. По своей структуре фабула этих текстов проста, сюжеты схожи (*внезапный арест — путешествие в Сибирь — трудности и невзгоды ссылки — счастливое возвращение на родину*). Их основная цель — сохранить память, тем самым вырывая из небытия и забвения имена, места, события, чувства и переживания, которые иначе были бы потеряны навсегда. До уровня рефлексии этого опыта поднимаются лишь редкие, исключительные, произведения, часто обладающие и немалыми литературными достоинствами.

Почти во всех затронутых в статье произведениях отмечается своеобразная гендерная стратификация — литературные и художественные свидетельства сталинских депортаций в Литве или в литовской диаспоре в основном создаются женщинами или о женщинах (тем временем тема антисоветского сопротивления представлена в основном мужскими авторами и персонажами [Чепайтене, 2013, с. 254]). Также большая их часть ставит акцент на образах и специфическом опыте депортаций подростков. Дети и подростки составляли треть литовских спецпереселенцев, что позволило заметить Т. Балкелису, что именно опыт ссылки явился для подростков даже своеобразно продуктивным, создавая их как личности, так как идентичности подростков на тот момент были еще несформировавшимися [Balkelis, 2012]. Это обстоятельство, видимо, повлияло не только на написание самых значимых гулаговских текстов, но и на способы их адаптации к восприятию современного читателя/зрителя.

Основное различие между наиболее документально и литературно ценными текстами «первого» и «второго» поколений литовских авторов в основном можно обозначить как разную степень онтологической интенсивности. Если первые стремятся к осмыслению пережитых репрессий в рамках экзистенциализма (Гринкявичюте, Калвайтис) или христианской метафизики (Дирсите, Мишкинис), то вторые по понятным причинам этого уровня рефлексии экстремально травмирующего опыта уже не достигают, ориентируясь на встраивание своей личной биографии в уже ставший каноном великий исторический нарратив о «борьбе и страданиях» нации. Но они стремятся компенсировать возникающее качественное различие между первичным свидетельством и ее «переводом» на современный секулярный, постнациональный язык страстным желанием освежить эту уже постепенно замирающую и дезактуализирующуюся память при помощи смелого внедрения новых, часто неконвенциональных форм отражения (книга комиксов Виле и Итагаки) или языковых экспериментов (Гудоните). Поиском новых форм дискурса о репрессиях и усилиями популяризации данного исторического сюжета представители «второго» поколения также пытаются превзойти герметичность и этноцентричность гулаговских текстов «первого» поколения, (пере)открывая его для будущих поколений, особенно для детей и молодежи в глобальном масштабе. Но в поиске форм адаптации специфических гулаговских текстов ко вкусам и пониманию современной аудитории неизбежно возникает и опасность невольного искажения исторического контекста и первичных смыслов или даже непредумышленной вульгаризации горя, на что обратили внимание критики книги Шепетис и фильма, снятого по ее мотивам.

Опираясь лишь на вкратце упомянутые примеры, пока трудно ответить на вопрос, чего в этих новых изысканиях больше — продолжения традиции гулаговской литературы «первого» поколения или ее осознанной или неосознанной деконструкции. Но очевидно, проблема сохранения аутентичного голоса свидетельства при его дальнейшем использовании и «переводе» на присущий современной культуре язык и ценности требует очень чуткого и внимательного отношения к первичным источникам, как и поиска новой этики их использования и интерпретации.

Несомненно, в 1990-е гг. гулаговские нарративы стали одним из факторов создания новой, постсоветской, коллективной идентичности. В настоящее время тема депортации не потеряла своей актуальности, что доказывает трансформация гулаговских текстов. Сейчас на первый план выходят не мотивы жертвенности, страдания и горя нации, но акцентируется интерес к межэтническим отношениям и солидарности, к самой Сибири с ее природными и культурными особенностями, наконец, к специфике детского восприятия травмы. Именно эти, эмоционально более разнообразные, а политически, наоборот, менее ангажированные подходы вселяют надежду, что память о ссылке еще долго останется неотъемлемой частью национальной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: НЛО, 2005. 768 с.
- Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 304 с.
- Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль, 1940–1953. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
- Колосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: НЛО, 2001. 320 с.
- Кустова Э.* Просить, убеждать, изворачиваться: Литовские спецпереселенцы ходатайствуют о возвращении на Родину // Миграционные последствия Второй мировой войны. Новосибирск: Наука, 2014. С. 31–54.
- Савенко Е.Н.* Свободное слово: Очерки истории самиздата Сибири 1920–1990 гг. Новосибирск: ГПТНБ СО РАН, 2017. 478 с.
- Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: (Этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 552 с.
- Чепайтене Р.* Восприятие советской эпохи в современной Литве // Прошлый век. М.: ИНИОН, 2013. Т. 1. С. 241–276.
- Эппле Н.* Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах. М.: НЛО, 2020. 576 с.
- Эткинд А.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: НЛО, 2018. 328 с.
- Baliutytė E.* Savimonės formos Lietuvos dokumentinėje literatūroje // Literatūra. 2008. № 50 (1). P. 16–29.
- Balkelis T.* Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag // Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States. Vilnius: Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 2012. P. 46–71.
- Gailienė D.* Ką jie mums padarė: Lietuvos gyvenimas traumų psichologijos žvilgsniu. Vilnius: Tyto alba, 2008. 244 p.
- Hirsch M.* The Generation of Postmemory // Poetics Today. 2008. № 29 (1). P. 103–128.
- Kazlauskas E., Gailienė D.* Politinių represijų metu patirto sunkaus ilgalaikio traumavimo psichologinių padarinių kompleksiskumas // Psichologija. 2003. № 27. P. 43–52.
- Krukauskienė E., Šutinienė I., Trinkūnienė I., Vosyliūtė A.* Socialinė atmintis: Minėjimai ir užmarštys. Vilnius: Eugrimas, 2003. 152 p.
- Leinartė D.* Lietuvos moterų ir vyrų trauminė patirtis sovietų lageriuose ir tremtyje // Kultūros barai. 2012. Nr. 2. P. 50–58.
- Maps of Memory. Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States / Ed. by V. Davoliūtė and T. Balkelis.* Vilnius: ILLF, 2012. 246 p.
- Mažeikis G.* Pogulaginė sąmonė ir atžangos dialektika // Darbai ir dienos. 2016. № 65. P. 55–86.
- Mažeikis G.* Dvasios niekšybė: Moralinės vaizduotės tyrimai. Kaunas: KVDU, 2018. 373 p.
- Mykolaitytė A.* Sovietmečio atminties perkūrimas šiuolaikinėje kultūroje. Lituanistica. 2016a. Nr. 3. P. 187–193.
- Mykolaitytė A.* Trauminė sovietmečio atmintis šiuolaikinėje lietuvių literatūroje // Sovijus. Tarpdalykiniai kultūros tyrimai. 2016b. T. 4. № 2. P. 44–53.
- Pokorska-Iwaniuk M.* World War II in Lithuanian Exile Memoirs as an Act of Opposition to Soviet Era Injustice // Teksto slėpiniai. 2015. № 17. P. 178–190.
- Population Displacement in Lithuania in the Twentieth Century: Experiences, Identities and Legacies / Ed. by V. Davoliūtė and T. Balkelis.* Leiden: Brill, 2016. 263 p.
- Rubavičius V.* Neišgyvendinamo sovietmečio patirtis: Socialinė atmintis ir tapatumo politika // Lietuvių tautos tapatybė: Tarp realybės ir utopijos (sud. R. Repšienė). Vilnius: KFMI, 2007. P. 12–40.
- Rubavičius V.* Nacionalinis tapatumas, kultūrinė atmintis ir politika. Vilnius: LKTI, 2018. 328 p.
- Saudargas P., Karazijaitė G.* Gulago partizanai. Vilnius: Petro ofsetas, 2018. 256 p.
- Šermukšnytė R.* Lietuvos istorija dokumentiniame kine ir televizijoje: Diskurso konstravimo ypatybės // Lietuvos istorijos studijos. 2004. № 14. P. 114–129.
- Šutinienė I.* Trauma ir kolektyvinė atmintis: Sociokultūrinis aspektas // Filosofija, sociologija. 2002. № 1. P. 57–62.
- Šutinienė I.* Sovietmečio atmintis šiuolaikinėje Lietuvoje: Ambivalentiškumas ar nostalgija? // Sociologija. Mintis ir veiksmai. 2013. № 32 (1). P. 152–175.

ИСТОЧНИКИ

- Альфен Э. фон.* Холокост и ГУЛАГ: Что остается после памяти? Постпамять без постполитики в России: Как определить «виновных»? URL: <http://gefter.ru/archive/17231>
- Клумбите Н.* Память об антисоветском сопротивлении в жизни одного литовского села // Уроки истории XX век. 3 августа 2017 года. URL: <https://urokiistorii.ru/article/54023>
- Прокопьева С.* «Миссия Сибирь» — невыполнима? URL: <https://www.sibreal.org/a/29334526.html> (дата обращения: 15.09.19).
- Хирш М.* Что такое постпамять. URL: <https://urokiistorii.ru/article/53287?> (дата обращения: 15.09.19).
- Armonienė B.* Palik ašaras Maskvoje. Tarp Lietuvos, Amerikos ir Sibiro. Sukrečianti vienos šeimos istorija. Vilnius: Alma littera, 2011. 240 p.
- Dirsytė A.* Jūs maniejį. Laiškai. Kaunas: Atmintis, 2000.
- Genevičius T.* Sukurta pagal tikrus įvykius? URL: <https://m.diena.lt/naujienos/nuomones/nuomones/sukurta-pagal-tikrus-ivykius-885593> (дата обращения: 04.10.19).

Гулаговский опыт в культурных нарративах и коллективной идентичности постсоветской Литвы

Grinkevičiūtė D. Lietuviai prie Laptevų jūros: Atsiminimai, miniatiūros, laiškai. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 1997. 273 p.

Grinkevičiūtė D. A Stolen Youth, a Stolen Homeland: Memoirs. Vilnius, 2003.

Gudonytė E. Karta nuo Sibiro. Vilnius: Mintis, 2013. 189 p.

Gustainis V. Be kaltės. Vilnius: Mintis, 1989.

Kalvaitis V. Sustiprinto režimo barakas. Kaunas: Kauko laiptai, 2011.

Liandzbergienė G. Rūta Šepetis. Privalai skirsti, net jei gimei su pakirptais sparnais. URL: <https://www.15min.lt/vardai/naujiena/lietuva/ruta-sepetys-privalai-skirsti-net-jei-gimei-su-pakirptais-sparnais-1050-180395>

Maceina A. Raštai. Vilnius: Mintis, 1990. T. III. 663 p.

Noreikienė J. Filmas "Ekskursantė" rusus pravirkdė, o lietuvius gali supykdyti. URL: <https://www.lrytas.lt/kultura/meno-pulsas/2013/09/26/news/filmas-ekskursante-rusus-pravirkde-o-lietuvius-gali-supykdyti-4608102/>

Pipiras N., Končius A. Visa atnaujinti ir išverti Kristuje (Dievo Tarnaitė Adelė Dirsytė). URL: <http://www.propatria.lt/2016/11/kun-n-pipiras-kun-koncius-visa.html> (data обращения: 14.10.19).

Raila B. Paguoda (Antra dalis). Londonas: Nidos knygų klubo leidinys, 1974. 374 p.

Speičytė B. Apie liudytojus, pasakojimą ir atminties sveikatą // Literatūra ir menas. 2013. No. 7. URL: <http://litera-turairmenas.lt/knygos/brigita-speicyte-apie-liudytojus-pasakojima-ir-atminties-sveikata> (data обращения: 20.10.19).

Valaitytė-Špakauskienė I.S. Manėme, kad plaukiame į Ameriką. Vilnius: Alma litera, 2020.

Čepaitienė R.

Lithuanian Institute of History, Kražių, 5, Vilnius, Lithuania

E-mail: geokdepe@gmail.com

The GULAG experience in cultural narratives and collective identity of post-Soviet Lithuania

In this paper, the tendencies of rethinking the GULAG in the cultural memory of post-Soviet Lithuania (after 1990) are analyzed. The sources for the analysis were represented by ego-documents, literary works, and visual arts (movies and comics). The author draws attention to the specifics of female and, in part, children's experience of the deportation, to the ways of perceiving, rethinking, and reproducing collective trauma in an ethno-historical context, to the role of post-memory in the formation and support of the national identity in the modern Lithuanian society. In recent years, in the field of perpetuating the memory of the Stalinist period in Lithuania, the public attention is increasingly shifted from the direct and authentic evidence to heterogeneous visually striking artistic representations. This shift in the focus of interest can be explained by the generational change, which warrants the search for a new stylistic language and message forms. As a result, works are created that belong to the field of post-memory, which are characterized by a higher degree of adaptability of the traumatic experience of previous generations to the knowledge and mentality of modern viewers / readers, as well as by attempt to increase their attractiveness through vivid and memorable characters and stories. The main difference between the most literarily valuable texts of the 'first' and the 'second' generation of the Lithuanian authors can basically be described as a different degree of ontological intensity. If the former authors seek to comprehend the experienced repressions within the framework of existentialism (Grinkevičiūtė and Kalvaitis) or Christian metaphysics (Dirsyte and Miškinis), then the latter authors, for obvious reasons, no longer achieve this level of reflection on the extremely traumatic experience, focusing on embedding their personal biographies into the great historical narrative about the "struggle and sorrows" of the nation, which has already become canonical.

Key words: Lithuania, Siberia, GULAG, deportations, national identity, collective trauma, post-memory.

REFERENCES

Baliutyte E. (2008). Forms of Self-Consciousness in Lithuanian Documentary Literature. *Literatūra*, 50(1), 16–29. (Lith.).

Balkelis T. (2012). Ethnicity and Identity in the Memoirs of Lithuanian Children Deported to the Gulag. In: V. Davoliute and T. Balkelis (Eds.). *Maps of Memory: Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*. Vilnius: Institute of Lithuanian Literature and Folklore, 46–71.

Berdinsky V.A. (2005). *Special Settlers. political reference of the peoples of Soviet Russia*. Moscow: NLO. (Rus.).

Davoliūtė V., Balkelis T. (Eds.) (2012). *Maps of Memory. Trauma, Identity and Exile in Deportation Memoirs from the Baltic States*. Vilnius: ILLF. (Lith.).

Davoliūtė V., Balkelis T. (Eds.) (2016). *Population Displacement in Lithuania in the Twentieth Century: Experiences, Identities and Legacies*. Leiden: Brill.

Epple N. (2020). *Inconvenient Past Memory of State Crimes in Russia and other countries*. Moscow: NLO. (Rus.).

Etkind A. (2018). *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Moscow: NLO. (Rus.).

Gailienė D. (2008). *What they did to us: Lithuanian life from the point of view of trauma psychology*. Vilnius: Tyto alba. (Lith.).

- Hirsch M. (2008). The Generation of Postmemory. *Poetics Today*, 29(1), 103–128.
- Kazlauskas E., Gaillienė D. (2003). The complexity of the psychological consequences of severe long-term trauma experienced during political repression. *Psichologija*, (27), 43–52. (Lith.).
- Koposov N. (2001). *Memory of the strict regime: History and politics in Russia*. Moscow: NLO. (Rus.).
- Krukauskienė E., Šutinienė I., Trinkūnienė I., Vosyliūtė A. (2003). *Social Memory: Commemorations and Oblivions*. Vilnius: Eugrimas. (Lith.).
- Kustova E. (2014). Ask, convince, dodge: Lithuanian special settlers are petitioning for a return to their homeland. In: N. Ablagey, A. Blum (Eds.). *Migration consequences of the Second World War*. Novosibirsk: Nauka, 31–54. (Rus.).
- Leinartė D. (2012). Traumatic experience of Lithuanian women and men in Soviet camps and exile. *Kultūros barai*, (2), 50–58. (Lith.).
- Mažeikis G. (2016). Post-Gulag consciousness and the dialectics of regression. *Darbai ir dienos*, (65), 55–86. (Lith.).
- Mažeikis G. (2018). *The Spirit's Scourge: Moral Imagination Research*. Kaunas: KVDU.
- Mykoliaitytė A. (2016a). Recreating the memory of the Soviet era in modern culture. *Lituanistica*, (3), 187–193. (Lith.).
- Mykoliaitytė A. (2016b). Traumatic memory of the Soviet era in contemporary Lithuanian literature. *Sovijus. Tarpdalykiniai kultūros tyrimai*, 4(2), 44–53. (Lith.).
- Pokorska-Iwaniuk M. (2015). World War II in Lithuanian Exile Memoirs as an Act of Opposition to Soviet Era Injustice. *Teksto slėpiniai*, (17), 178–190.
- Rubavičius V. (2007). The long-lasting experience of the Soviet era: Social memory and identity politics. In: R. Repšienė (Eds.). *Lietuvių tautos tapatybė: Tarp realybės ir utopijos*. Vilnius: KFMI, 12–40. (Lith.).
- Rubavičius V. (2018). *National identity, cultural memory and politics*. Vilnius: LKTI. (Lith.).
- Saudargas P., Karazijaitė G. (2018). *GULAG Parisans*. Vilnius: Petro ofsetas. (Lith.).
- Šermukšnytė R. (2004). Lithuanian history in documentary film and television: Discourse construction properties. *Lithuanian history studies*, (14), 114–129. (Lith.).
- Šutinienė I. (2002). Trauma and collective memory: A sociocultural aspect. *Filosofija, sociologija*, (1), 57–62. (Lith.).
- Šutinienė I. (2013). Memory of the Soviet era in modern Lithuania: ambivalence or nostalgia? *Sociologija. Mintis ir veiksmai*, 32(1), 152–175. (Lith.).
- Savenko E.N. (2017). *Free word: Essays on the history of Siberian samizdat 1920–1990*. Novosibirsk. (Rus.).
- Tishkov V.A. (2001). *Society in Armed Conflict: (Ethnography of the Chechen War)*. Moscow. (Rus.).
- Чепайтене Р. (2013). Perception of the Soviet era in modern Lithuania. In: A. Miller (Ed.). *Proshlyj vek*. Moscow: INION, 241–276. (Rus.).
- Zemskov V.N. (2003). *Special Settlers in the USSR, 1930–1960*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Zubkova E. (2008). *Baltic states and the Kremlin, 1940–1953*. Moscow: ROSSPEN. (Rus.).

Чепайтене Р., <https://orcid.org/0000-0002-8023-7870>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 25.02.2021

Article is published: 28.05.2021